

ЖУРНАЛ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLV г.

№ 27

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Выходятъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XLV

1914

Выданъ 5 юли 1914 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

НѢСКОЛЬКО ЛѢТЬ СЪ А. П. ЧЕХОВЫМЪ.

(Къ 10-лѣтню со дня его кончины).
Воспоминанія И. Н. Потапенко.
(Продолженіе).

Какъ относился Чеховъ къ своему врачебному званію? Долженъ сказать, что я почти никогда не вспоминалъ о томъ, что онъ врачъ: ничѣмъ онъ не давалъ повода вспомнить объ этомъ, никогда не велъ онъ разговора о медицинѣ и медицинскомъ.

Конечно, особенно распространяться объ этомъ передъ неспеціалистомъ и невѣждою не было и смысла, но вѣдь это прорывается. Когда у человѣка есть влеченіе и любовь къ какому-нибудь дѣлу, то они будутъ сквозить во всемъ. У него же этого не было замѣтно.

У кого-то я прочиталъ, будто Антонъ Павловичъ страстно любилъ лѣчить. Вотъ чего я никогда не находилъ въ немъ. Когда къ нему обращались за врачебнымъ совѣтомъ, онъ отдѣлывался самыми общими мѣстами, и видно было, что онъ хотѣлъ поскорѣе кончить этотъ разговоръ.

Можетъ-быть, это объяснялось скрытой досадою, что онъ такъ отонесъ отъ медицины, на которую потратилъ столько лѣтъ и энергии: или просто это было сознаніе, что онъ въ этомъ дѣлѣ сильно отсталъ и не можетъ стоять на надлежащей высотѣ.

Вѣдь тутъ, за что бы онъ ни взялся, онъ непременно сдѣлаетъ хуже, чѣмъ другіе врачи, которые практикуются и слѣдятъ за наукой. А ему была свойственна какая-то особенная гордость совѣсти: все дѣлать, какъ слѣдуетъ. И онъ никогда не брался за то, чего не могъ сдѣлать вполнѣшимъ образомъ. Вѣдь ногъ, напримѣръ, онъ всегда мечталъ о томъ, чтобы писать публицистическія статьи. Объ этомъ онъ упоминаетъ и въ своихъ письмахъ. Но онъ не писалъ ихъ, потому что онъ ему не удавались. То-есть онъ былъ бы не хуже всего того, что пишется, во это его не удовлетворяло.

Поэтому онъ, не отказывая въ совѣтахъ, когда къ нему приставали, не углублялся и ограничивался средствами, которыя если и не помогутъ, то во всякомъ случаѣ не могутъ повредить: сода, касторка, компрессы, припарки...

Когда въ Мелиховѣ приходили къ нему мужики и бабы съ нарывами и глубокими порѣзами, и ему объ этомъ сообщали, онъ кривился, — должно-быть, опять-таки отъ сознанія, что можетъ сдѣлать не такъ, какъ слѣдуетъ, но не отказывалъ, принималъ, съ величайшимъ вниманіемъ осматривалъ, рѣзалъ, вычищалъ и перевязывалъ.

Я думаю, что, если бы за операцией пришелъ къ нему помѣщикъ, онъ послалъ бы его къ спеціалистамъ. Но для мужика спеціалистъ недостижимъ, и все равно лучше ему никто не сдѣлаетъ.

Однакожь меня, напримѣръ, онъ вылѣчилъ отъ экземы, которой наградили меня въ одной изъ лучшихъ московскихъ нарикмахерскихъ на Кузнецкомъ мосту. Спеціалисты прижигали, вырывали волосы и вообще истязали меня самыми послѣдними средствами, а онъ взглянулъ и сказалъ:

— Пустое. Вотъ я тебѣ выпишу салициловую мазь.

И выписать. И отъ этой мази экзема моя прошла безслѣдно.

И все-таки утвержденіе, будто онъ любилъ лѣчить, остается произвольнымъ. Иногда онъ будто и самъ себя хотѣлъ увѣрить въ этомъ и, напримѣръ, своему товарищу по гимназій писалъ: „Медицина — моя законная жена, литература — незаконная. Обѣ, конечно, мѣшаютъ другъ другу, но не настолько, чтобы исключать другъ друга“.

Но на это нельзя смотрѣть иначе, какъ на шутку. Пусть за годъ передъ этимъ онъ даже исполнялъ обязанности участковаго врача (по случаю холеры) въ своемъ уѣздѣ и своею дѣятельностью заслужилъ даже особую благодарность земцевъ.

Но это вытекало скорѣе изъ сознанія долга, чѣмъ изъ любви къ дѣлу. И даже въ періодъ этой работы, которая съ виду увлекала его, и ради которой онъ на время почти совсѣмъ отказался отъ писанія, онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Суворину такъ характеризовалъ это занятіе:

„Душа моя утомлена. Скучно. Не принадлежать себѣ, думать только о поносахъ, вздрагивать по ночамъ отъ собачьяго лая и

стука въ ворота (не за мной ли пріѣхали?), ѣздить на отвратительныхъ лошадахъ по невѣдомыхъ дорогамъ и читать только про холеру и ждать только холеры и въ то же время быть совершенно равнодушнымъ къ сей болѣзни и къ тѣмъ людямъ, которымъ служишь,—это, сударь мой, такая окрошка, отъ которой не поздоровится“.

Но, думая такъ, онъ носился по своему участку, входилъ въ сношенія съ мѣстными помѣщиками, уговаривалъ ихъ жертвовать деньги и, получивъ отъ земства на это какую-то сотню рублей, устроилъ свой участокъ образцово.

И окружавшіе его люди въ самомъ дѣлѣ должны были думать, что онъ любитъ лѣчить и обожаетъ свое лѣчебное призваніе, а на литературу смотреть, какъ на нѣчто второстепенное. А онъ въ это время писалъ:

„Нехорошо быть врачомъ. И страшно, и скучно, и противно. Молодой фабрикантъ женился, а черезъ недѣлю зоветъ меня: „непремѣнно сію минуту, пожалуйте!“... Все это противно, долженъ я это сказать. Дѣвочка съ червями въ ухѣ, носы, ртава, сифились—тьфу! Сладкіе звуки и поэзія, гдѣ вы?“

Кажется, ясно, и не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію, что искренняго влеченія къ врачебной дѣятельности А. П. не питалъ. Заблужденіе же наблюдателей объясняется тѣмъ, что за влеченіе они принимали исключительно развитое въ немъ чувство долга, которое заставляло его съ улыбкой на губахъ дѣлать то, что было ему неприятно и даже противно.

Такова была его дѣятельность по холерѣ. Онъ держался мнѣнія, что, получивъ медицинское образованіе и живя въ мѣстности, которой угрожаетъ эпидемія, онъ не имѣетъ права отказаться отъ примѣненія своихъ познаній. Онъ, который считался равнодушнымъ къ общественнымъ вопросамъ, какъ разъ равнодушнаго-то и не признавалъ и относился къ нему съ строгимъ осужденіемъ.

Между прочимъ, для доказательства его любви къ лѣченію приводятъ примѣры: какъ онъ не отходилъ отъ постели своей опасно заболѣвшей жены и самъ ставилъ термометръ, компрессы и т. п., съ какимъ вниманіемъ онъ осматривалъ и выслушивалъ больного тогда артиста Московскаго Художественнаго театра Артема. Но это говорить только о томъ, что онъ любилъ жену и дружески относился къ Артему.

Навѣрно можно было бы привести и другіе подобные случаи. Но для того, чтобы ухаживать за страдающими близкими людьми, не надо даже быть врачомъ и любить медицину. Достаточно только ихъ любить и обладать хорошимъ сердцемъ. То же самое по отношенію къ заболѣвшимъ близкимъ людямъ дѣлаютъ и не врачи, съ той лишь разницей, что они въ этихъ случаяхъ могутъ быть менѣе полезны.

А себѣ онъ не лѣчилъ вовсе. Странно, непостижимо относился онъ къ своему здоровью. Жизнь любилъ онъ каждой каплей своей крови и страстно хотѣлъ жить, а о здоровьѣ своемъ почти не заботился.

Зналъ ли онъ о своемъ недугѣ? Можетъ-быть, сомнѣвался, можетъ-быть, у него была надежда, что его нѣтъ, но мысль о немъ допускалъ и иногда, кашляя и считая причиной бронхитъ, какъ бы полусхоту произносилъ это слово: „чахотка“...

Да, слово это всегда было у него на умѣ, какъ будто онъ считалъ себя присужденнымъ рано или поздно сдѣлаться жертвой этой болѣзни, но находилъ, что время для этого еще не наступило.

Брату своему онъ пишетъ изъ Москвы въ октябрѣ 1893 г.: „Маленько покашливаю, но до чахотки еще далеко. Геморрой. Катарръ кишекъ. Бываетъ мигрень, иногда дня по два. Замирація сердца. Лѣность и нерадѣніе“.

Онъ видитъ и перечисляетъ всѣ ея признаки, но какъ бы нарочно отводитъ отъ нея глаза. „Я живъ и здоровъ,—пишетъ онъ черезъ нѣсколько дней Суворину:—кашель противъ прежняго сталъ сильнѣе, но думаю, что до чахотки еще очень далеко“. А еще позже, когда кто-то въ Петербургѣ сообщилъ, будто у

Медицинское свидѣтельство
Дано мнѣ Суворину Николаевичу Суворину
племяннику Николаевичу Чехову въ изр. публ.
вспомогат. въ преподаваніи вѣдѣствованіи, что
онъ состоитъ с 1865 года членомъ редакціи
и членомъ редакціи мѣсяч. вѣстника „Вѣстникъ
и работникъ“, редакціи „Совѣтъ“ ему принадлежатъ: сто над
писанъ и преподаваніемъ пед. вѣдѣствованіи
Москва 1886 г.
Владимиръ К-вичъ

Путочное свидѣтельство, выданное А. П. Чеховымъ брату Михаилу для полученія изъ редакціи сѣздскаго А. П. говорага.

Домъ въ Мелиховѣ. На ступеняхъ лѣстницы сидитъ отецъ писателя. П. Е. Чеховъ.

А. П. чехотка: „Для чего распускать всѣ эти странные, ненужные слухи, вѣдомо только Богу, создавшему для чего-то сплетниковъ и глупцовъ. Чехотки у меня нѣтъ, и кровь горломъ не шла уже давно“.

Но одно уже то, что онъ постоянно возвращается къ этому и опровергаетъ, показываетъ, что мысль о чехоткѣ неотступно преслѣдовала его и не давала ему покою. И въ то же время онъ, какъ будто желая убѣдить себя въ томъ, что этого дѣйствительно нѣтъ, ничего не предпринималъ противъ надвигающагося недуга.

Да и чтó онъ могъ предпринять? Какъ врачъ, онъ очень хорошо зналъ, что дѣйствительными средствами противъ чехотки медицина не располагаетъ.

Всякій другой на его мѣстѣ могъ бы заблуждаться на этотъ счетъ, но не онъ. Всякій другой могъ бы хвататься за все, что въ изобиліи предлагалось шарлатанами, но онъ всему этому зналъ цѣну.

Единственнымъ средствомъ, какое могло бы быть дѣйствительнымъ, была радикальная перемѣна климата, и его онъ признавалъ и постоянно мечталъ о немъ, но оно было недостижимо. Жизнь приковала его къ сѣверу, а сѣверъ незамѣтно, исподволь подтачивалъ его силы.

Не могу забыть, какъ однажды, въ вагонѣ, во время нашего переѣзда изъ Москвы въ Мелихово, сосѣдомъ нашимъ оказался какой-то кашлявшій субъектъ. Онъ сейчасъ же познакомился съ нимъ. Сосѣдь назвался вожъщникомъ Вологодской губерніи.

Антонъ Павловичъ съ какимъ-то особеннымъ интересомъ началъ разспрашивать его о болѣзни, а когда тотъ съ недоумѣніемъ и недоувѣріемъ посмотрѣлъ на него, онъ твердо сказалъ:

— Я—врачъ.

И послѣ этого сосѣдь выложилъ передъ нимъ всю подноготную его болѣзни. Тутъ были и головокруженія, и перебои сердца, и даже страннымъ образомъ геморрой, нѣсколько неглубокихъ кровохарканій, словомъ—все то, чтó бывало и у него самого.

Потомъ сосѣдь разсказалъ о двухъ десятиахъ врачей, у которыхъ онъ перебивалъ, и о сотнѣ лѣкарствъ, которыя онъ перепробовалъ. И на все это Антонъ Павловичъ сказалъ ему:

— Все это пустое. Нужно бросить Вологодскую губернію, закатиться куда-нибудь подъ тропики и пожить тамъ года два-три.

Это было какъ разъ то, о чемъ онъ самъ мечталъ, и чтó было для него недостижимо.

И потомъ всю дорогу онъ чрезвычайно внимательно обращался съ вологодскимъ вожъщникомъ, разспрашивалъ его, какая у него земля, чтó онъ сѣетъ и какіе плуги употребляетъ. А когда намъ нужно было на станціи Лопасня покинуть поѣздъ, онъ, почти дружески простившись съ нимъ, сказалъ:

— А все-таки намъ слѣдуетъ пожить подъ тропиками.

— Ну, гдѣ же тамъ, — возразилъ вологодскій вожъщникъ: — у меня на плечахъ имѣніе и большая семья.

— Семью прогоните, а имѣніе продайте и поѣзжайте! Иначе ничего хорошаго не выйдетъ.

И такъ какъ онъ твердо зналъ, что „ничего хорошаго не выйдетъ“, то ничего и не предпринималъ.

Когда ири немъ говорили о новыхъ средствахъ, о разныхъ блестящихъ опытахъ, онъ

скептически усмѣхался. Судя по оказавшимся потомъ результатамъ — онъ былъ правъ. Влестящіе опыты въ этой области и до сихъ поръ не привели ни къ чему; но развѣ онъ могъ это знать? Больные обыкновенно хватаются за всякую возможность спастись.

И это равнодушіе къ своему здоровью меня поражало. Онъ и бронхита своего почти не лѣчилъ и не остерегался.

Вообще по отношенію къ болѣзнямъ онъ проявлялъ какое-то ложное мужество. Онъ какъ будто стыдился слишкомъ много заниматься ими, считалъ это малодушіемъ.

Бываютъ люди мнительные, которые малѣйшую перемѣну въ состояніи здоровья, даже въ настроеніи, принимаютъ за болѣзнь, а всякій прыщикъ—за сибирскую язву или ракъ, и всегда они въ страхѣ за свою жизнь и всегда отъ всего лѣчатся.

Онъ былъ противоположностью. Онъ не хотѣлъ признавать даже совершенно явныхъ враговъ, и они, въ видѣ туберкулеза, геморроя и еще другихъ, сосали его кровь и незамѣтно подтачивали его организмъ. Я, наиримѣрь, никогда не слышалъ отъ него, чтобы онъ совѣтовался съ какимъ-нибудь профессоромъ о своемъ здоровьи.

Правда, что матеріальное положеніе не давало ему возможности свободно располагать своимъ временемъ и выбирать мѣсто. Обладая огромнымъ талантомъ изумительной красоты, — талантомъ, равный которому съ тѣхъ поръ не появился, несмотря на богатый приливъ въ нашей литературѣ свѣжихъ дарованій, и не скоро, должно-быть, появится, — онъ не могъ и мечтать о такихъ колоссальныхъ заработкахъ, какіе, слава Богу, позже выпадали на долю нѣкоторыхъ другихъ писателей.

Пожить бы ему въ Каирѣ зиму-другую, не думая о заработкѣ, о семьѣ, — можетъ-быть, мы и теперь еще видѣли бы его среди насъ, — разумѣется, если бы это было сдѣлано во-время.

Среди людей, искренно къ нему расположенныхъ, были очень богатые, которымъ ничего не стоило бы устроить ему такой отдыхъ. Но мы ничего не слышали о томъ, чтобы у кого-нибудь изъ нихъ явилась подобная мысль.

Скажутъ, что Чеховъ былъ до болѣзненности щепетилецъ въ денежныхъ вопросахъ и не согласился бы ни на какія денежныя одолженія.

Совершенно вѣрно, но и не нужны были одолженія, достаточно было не формально, а справедливо оцѣнить его трудъ. И на этой почвѣ мало ли какія можно устроить чисто дѣловыя комбинаціи.

Подумаю только, что Чеховъ въ большой богатой газетѣ, которая справедливо гордилась его сотрудничествомъ, получалъ 12 коп. за строчку, то-есть 120 руб. за печатный листъ!.

Тутъ мнѣ вспоминается эпизодъ съ однимъ московскимъ миллионеромъ, страстнымъ почитателемъ Чеховскаго таланта. Но объ этомъ будетъ удобнѣе разсказать нѣсколько позже.

Иница. Яркій солнечный апрѣль, а можетъ-быть, мартъ. Не могу вспомнить. Знаю только, что въ Петербургѣ былъ еще основательный холодъ.

Чеховъ жилъ въ русскомъ пансіонѣ, который теперь уже, кажется, не существуетъ. Приѣхавъ, я засталъ его тамъ. Пансіонъ былъ наполненъ, такъ что мнѣ едва удалось добыть комнату гдѣ-то во флигелѣ. У Чехова же была хорошая просторная комната въ главномъ зданіи.

Въ Мелиховѣ. Въ тачкѣ сидятъ А. П. Чеховъ и его братъ Михаилъ. Везетъ тачку писатель В. А. Гиляровскій. Направо—братъ А. П. Чехова, Иванъ; налѣво—двоюродный братъ А. П. Чехова—А. Долженко.

Публика въ пансионѣ была русская, но крайне сѣрая и неинтересная. Какой-то провинціальный прокуроръ, учитель, баронесса съ дочерью, которой дома, въ Россіи, почему-то не удалось выйти замужъ и т. п.

Но утѣшеніемъ служило близкое сосѣдство М. М. Ковалевскаго, который жилъ въ своей виллѣ, въ Болье, въ 20 минутахъ ѣзды отъ Ниццы, и часто посѣщалъ А. П., къ которому относился съ какой-то трогательной заботливостью.

А. П. чувствовалъ себя здѣсь въ высшей степени бодро. Я рѣдко видѣлъ его такимъ оживленнымъ и жизнерадостнымъ. Самое мѣсто, гдѣ помѣшался нашъ пансионъ, не отличалось ни бойкостью ни красотой. Моря отсюда не было видно, да и горы заслонялись высокими домами.

Но недалеко была главная улица—Avenue de la Gare, по которой мы почти каждый день путешествовали къ морю и тамъ проводили часы.

Тогда же завязалась у А. П. трогательная дружба съ Юрасовымъ, мѣстнымъ вице-консуломъ и консуломъ въ Ментонѣ, бѣлымъ старичкомъ, который съ обожаніемъ смотрѣлъ на него и возился съ нимъ, какъ съ ребенкомъ.

Разъ въ недѣлю у него бывали пироги, настоящіе русскіе пироги, и онъ зывалъ Антона Павловича къ себѣ. Иногда удовольствіе ѣсть эти вицеконсульскіе пироги выпадало и на мою долю.

Да и самый пансионъ не безъ основанія назывался „русскимъ“ (хотя въ то время официальное названіе у него было какое-то другое). Тамъ была русская кухарка, исторія которой интересовала все населеніе пансіона, а А. П. не менѣе, чѣмъ другихъ. Благодаря ей, на нашемъ столѣ иногда появлялись тоже пироги, по-русски приготовленная селедка и даже борщъ.

Сама же она хотя и не забыла родного языка, но давнымъ давно совершенно офранцузилась и не выражала ни малѣйшаго желанія вернуться въ Россію.

— Зачѣмъ?—говорила она.—Тамъ я была рабой, а здѣсь—свободная гражданка, такая, какъ всѣ.

Въ Ниццу она попала лѣтъ 20 тому назадъ, случайно, въ качествѣ горничной при купеческой семьѣ, но семья уѣхала, а она осталась. Вышла замужъ за негра, плававшего на какомъ-то пароходѣ, и у нея была дочь-мулатка, таинственное существо, жившее тутъ же, въ зданіи пансіона, но отдѣльно отъ матери.

Дѣло въ томъ, что негръ, однажды вернувшись изъ плаванія, нашелъ у своей жены благо ребенка и, сдѣлавъ изъ этого правильный выводъ, отвергъ жену, не захотѣвъ имѣть съ нею больше никакого дѣла. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, его уже не существовало, онъ умеръ. Да и то бѣлое существо, которое послужило причиною разрыва, тоже умерло.

А смуглолицая Соня (такъ, кажется, ее звали), уже совсѣмъ взрослая дѣвушка, избѣгала показываться на глаза своей матери, которая встрѣчала ее суровымъ укоромъ. Она и вообще почти не показывалась, и если ужъ ей необходимо было выйти со двора, она дѣлала это торопливо, чтобы какъ можно меньше глазъ видѣли ее.

Выходила же она по вечерамъ и возвращалась домой не всегда одна...

Это странное сплетеніе обстоятельствъ почему-то сильно оплѣдло вниманіемъ А. П. Впрочемъ, это было понятно.

„Въ жизни все просто“,—обыкновенно говорилъ онъ, бракуя въ литературѣ все нарочитое, искусно скопанованное, эффектное, разсчитанное на то, чтобы удивить читателя. А тутъ вдругъ передъ нимъ жизнь, дающая готовый сюжетъ для забористаго бульварнаго романа.

Простая русская дѣвушка, негръ, бѣлый ребенокъ, таинственная мулатка, выходящая на ночной промыселъ...

Иногда за обѣдомъ, когда подавали русское блюдо, онъ сопоставлялъ, по обыкновенію, отрывисто и безъ всякихъ объясненій: „русскій борщъ и мулатка“...

И всегда, когда по двору проходила смуглолицая Соня, онъ всматривался въ нее и слѣдилъ за нею глазами.

Монте-Карло производило на него удручающее впечатлѣніе, но было бы неправдой сказать, что онъ остался недоступенъ его отравѣ.

Можетъ-быть, отчасти и заразилъ его своей увѣренностью (тогда была у меня такая), что есть пѣ игрѣ этой какой-то про-

А. П. Чеховъ въ Мелиховѣ. У „дуба Мамврейскаго“.

стой секретъ, который надо только разгадать—и тогда... Ну, тогда, конечно, выступала главная мечта писателя: работать свободно и никогда не думать о гонорарѣ, о заработкѣ, не связывать литературную работу съ вопросомъ о средствахъ къ жизни. Чеховъ мечталъ объ этомъ не меньше, чѣмъ я и всякій другой.

И вотъ онъ—трезвый, разсудительный, осторожный—поддался искушенію. Мы накупили цѣлую гору бюллетеней, даже маленькую рулетку, и по цѣлымъ часамъ сидѣли съ карандашами въ рукахъ надъ бумагой, которую исписывали цифрами. Мы разрабатывали систему, мы искали секретъ.

Однажды мы его нашли и побѣхали въ Монте-Карло съ точно опредѣленнымъ планомъ. Игра была маленькая, осторожная, и тѣмъ не менѣе, окончивъ ее, мы не досчитались пары сотенъ франковъ.

Опять бюллетени, снова карандаши и цифры. Подходили къ дѣлу съ другой стороны, иновѣ ѣхали въ Монте-Карло и пробовали. Одно время казалось, что мы нащупали вѣрный путь. Выиграли разъ, другой. Но на третій—неблагоприятное стеченіе обстоятельствъ—и все полетѣло вверхъ дномъ.

Въ то время я, конечно, не занимался наблюденіями надъ нимъ. Я самъ гораздо больше, чѣмъ онъ, могъ бы быть объектомъ наблюденія; но когда припоминалъ все это, то какъ будто не узнавалъ обычно спокойнаго, сдержаннаго, разсудительнаго, уранивѣшеннаго Антона Павловича.

Кто изъ знавшихъ его повѣритъ, что въ немъ жилъ азартъ? А между тѣмъ онъ углублялся въ цифры, старался проникнуть въ сущность этихъ странныхъ комбинацій, разгадать ихъ тайну. Мы спорили, каждый предлагалъ свою систему и защищалъ ее. У него являлись остроумныя мысли въ этой области, и главное—что волнение его было чисто спортивное, такъ какъ онъ проигрывалъ, въ сущности, пустяки.

Но однакоже въ этомъ не было ничего трезваго. Новѣрить

Въ Мелиховѣ. Работы въ саду у „дуба Мамврийскаго“. На первомъ планѣ стоитъ А. П. Чеховъ.

даже на минуту, что въ случайныхъ комбинаціяхъ номеровъ, цифръ и всякихъ другихъ шансовъ могутъ быть отысканы какіе-то законы—для этого, конечно, нужна была известная доля безумія которое владѣть игроками, дѣлаетъ ихъ слѣплыми и приводитъ къ гибели.

И вотъ онъ, какъ казалось, поставившій своей задачей трезвость, разумное отношеніе къ жизни, человѣкъ несомнѣнно сильной воли, въ теченіе десяти дней вѣрилъ въ это, то-есть допуская для себя капельку безумія.

Я пишу эти строки, и вотъ уже у меня является страхъ, что на нѣкоторыхъ почитателей личности А. П. онъ произведутъ неблагоприятное впечатлѣніе. Въ моей памяти встаютъ нѣкоторыя, прочитанныя мною раньше, воспоминанія о Чеховѣ, продиктованныя несомнѣнно самыми лучшими настрѣвьями и прекрасными чувствами. И тѣмъ, кто смотритъ сквозь призму этихъ воспоминаній, А. П. долженъ рисоваться существомъ, какъ бы лишеннымъ плоти и крови, стоящимъ вѣдъ жизни,—праведникомъ, отрѣшившимся отъ всѣхъ слабостей человѣческихъ, безъ страстей, безъ заблужденій, безъ ошибокъ.

Но если бы это было такъ, онъ не могъ бы быть художникомъ, да еще такимъ проникновеннымъ, какимъ былъ.

Нѣтъ, Чеховъ не былъ ни ангеломъ ни праведникомъ, а былъ человѣкомъ въ полномъ значеніи этого слова. И тѣ уравновѣшенность и трезвость, которыми онъ всѣхъ изумлялъ, явились результатомъ мучительной внутренней борьбы, трудно доставившей ему трофеями. Художникъ помогать ему въ этой борьбѣ, онъ требовалъ для себя все его время и всѣ силы, а жизнь ничего не хотѣла уступить безъ бою. И она права: чтобы быть великимъ знатокомъ жизни, нужно испытать ея ласки и удары на самомъ себѣ. Развѣ Гёте и Пушкинъ были праведники, развѣ они не были „въ забавахъ суетнаго свѣта малодушно погружены“?

И въ жизни Чехова было все, все было пережито имъ—и большое и ничтожное. И если полнотѣ переживаній часто мѣшали его осторожность и какъ бы боязнь взять на себя всю отвѣтственность, то причиной этого былъ талантъ, который требовалъ отъ него большой службы и ревновать его къ жизни.

Но Чеховъ-человѣкъ страдалъ отъ этого. Испытывая постоянно потребность въ нѣжности, онъ до самыхъ послѣднихъ лѣтъ былъ лишенъ личной жизни. Онъ думалъ, что она отниметъ у него, какъ у художника, слишкомъ много вниманія и силъ. И когда наконецъ онъ позволилъ себѣ эту роскошь, вотъ какими словами онъ опредѣлилъ свое состояніе:

„Ты спрашиваешь, правда ли, что я женился? Это правда, но въ наши годы это уже ничего не мѣняетъ“.

Это, конечно, было преувеличено. Мы знаемъ, что женитьба не была для него такимъ безразличнымъ фактомъ. Но, можетъ-быть,

въ этой грустной оговоркѣ сказалось сознаніе, что большое личное благо онъ допустилъ къ себѣ слишкомъ поздно.

Я возвращаюсь къ Ниццѣ. Дней десять длилось его увлеченіе рулеткой. Онъ пересталъ принимать во вниманіе мои мнѣнія и самъ разрабатывалъ какіе-то способы. Иногда онъ на мой зовъ поѣхалъ въ Монте-Карло отвѣчалъ отказомъ. Я ѣхалъ одинъ, но, смотришь, черезъ часъ онъ появлялся, нѣсколько какъ будто сконфуженный, становился у одного изъ столовъ и долго присматривался, наблюдалъ, видимо, провѣряя свою мысль, а потомъ садился и, осторожно вынимая изъ кармана золотыя, ставилъ ихъ какъ-то по-новому.

Кажется, что въ результатѣ всѣхъ этихъ попытокъ былъ у него небольшой выигрышъ. Это и есть тотъ опасный моментъ, когда игрокъ слѣпнетъ и съ головой зарывающъ въ игру. А у него вышло иначе. Однажды онъ опредѣленно и твердо заявилъ, что съ рулеткой покончено: и дѣйствительно, послѣ этого ни разу больше не поѣхалъ туда. Взяли силу его обычные качества—благоразуміе, осторожность, уравновѣшенность, а главное—ему стало стыдно увлекаться и отдавать силы такимъ пустякамъ.

Воля Чеховская была большая сила, онъ берегъ ее и рѣдко прибѣгалъ къ ея содѣйствію, и иногда ему доставляло удовольствіе обходиться безъ нея, переживать колебанія, быть даже слабымъ. У слабости есть своего рода прелесть, это хорошо знаютъ женщины.

Но когда онъ находилъ, что необходимо призвать волю—она являлась и никогда не обманывала его. Рѣшить у него значило—сдѣлать.

Я, напримѣръ, нисколько не меньше, чѣмъ онъ, сознавалъ всю тщету этихъ системъ, всякихъ ухищреній и выдумокъ, однако же не могъ отстать и продолжалъ ѣздить въ Монте-Карло, все же большимъ и большимъ усердіемъ и игралъ и... проигрался. Встрѣтилъ одного солиднаго петербургскаго издателя, взялъ у него авансъ и тоже проигралъ его, и въ концѣ концовъ не безъ затрудненій, и то лишь при помощи Антона Павловича, выбрался изъ Ниццы и доставился въ Петербургъ.

Его я оставилъ въ „русскомъ пансіонѣ“, но скоро получилъ отъ него письмо изъ Парижа, откуда онъ поѣхалъ въ Москву.

Въ Ниццѣ же завершился и эпизодъ съ миллионеромъ, разговоръ о которомъ я отложилъ на послѣ. Я не знаю, при какихъ условіяхъ произошло и чѣмъ было вызвано, что Антонъ Павловичъ послѣ долгихъ настоячивыхъ предложеній со стороны миллионера, страстнаго поклонника его таланта, рѣшился взять у него займы какую-то сумму (нѣсколько сотенъ). Можетъ-быть, это было передъ отъѣздомъ за границу.

У него вѣдъ всегда бывали недоразумѣнія съ конторой по издательству его книгъ. Тамъ очень медленно производили расчеты и нерѣдко предьявляли ему ошибочные счета, для выясненія которыхъ ему самому приходилось прѣзжаться въ Петербургъ. Объ одной чудовищной ошибкѣ, когда, по предьявленному счету, онъ оказался долженъ конторѣ семь тысячъ рублей, а по провѣркѣ вышло, что контора должна ему что-то,—онъ рассказываетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. Но это—крупное недоразумѣніе, и потому онъ его отмѣчаетъ. А болѣе мелкія случались постоянно, и онъ часто жаловался на нихъ.

Очень можетъ быть, что и въ этомъ случаѣ контора опоздала съ правильнымъ счетомъ, а онъ не хотѣлъ терять лучшее время, чтобы поѣхалъ въ Ниццу, и рѣшился воспользоваться предложеніемъ миллионера.

И вотъ однажды въ Ниццѣ онъ получилъ письмо, въ которомъ миллионеръ извѣщалъ его о предстоящемъ своемъ пріѣздѣ. Я въ это время былъ у него въ комнатѣ. Онъ прочиталъ письмо, положилъ его на столъ и чуть-чуть усмѣхнулся.

— Никогда не бери займы у миллионеровъ,—сказалъ онъ.

— А что?—спросилъ я.

— Да вотъ—неосторожность: я взялъ у этого. За недѣлю до отъѣзда изъ Москвы. Въ теченіе недѣли мы встрѣтились два раза: въ первый разъ онъ заѣхалъ ко мнѣ въ номеръ на другой день послѣ займа, сидѣлъ часъ и все время говорилъ о томъ, какое это большое удовольствіе выручить и поддержать талантливаго человѣка. Мнѣ было стыдно, и я хотѣлъ тутъ же вернуть ему взятыя вчера деньги, но побоялся обидѣть. Второй разъ у Мюра и Мюрилиза. Я пошутилъ: „вотъ размѣняй вашу сторублевку“. Онъ взялъ меня подъ руку и отвелъ въ сторону: — „Дорогой мой, я такъ радъ... И вы, пожалуйста, не беспокойтесь объ отдачѣ. Когда-нибудь, когда сами будете миллионеромъ...“—и размѣялся. Тутъ ужъ я непременно вернулъ бы ему деньги, но ихъ не было со мной, да и начаты онъ были. А вотъ отъ него извѣщеніе о предстоящемъ пріѣздѣ въ Ниццу, адресъ гостиницы, гдѣ остановится, и приписка о томъ, что онъ намѣренъ дружески провести со мною денька два, и если я наслаждаюсь солнцемъ и чувствую себя хорошо, то онъ счастливъ отъ сознанія, что и онъ своимъ скромнымъ участіемъ капельку содѣйствовалъ этому... Понимаешь? Такъ это же хуже всякихъ процентовъ. И, кромѣ того, онъ убѣжденъ, что я непременно побѣгу въ гостиницу пріѣтствовать его съ благополучнымъ пріѣздомъ. Для того и адресъ указываетъ. А я не пойду.

Онъ замолчалъ и ходилъ по комнатѣ, очевидно, раздосадованный. Потомъ сѣлъ къ столу, взялъ бумагу и аккуратно оторвалъ треть полулиста.

— Вотъ, помогай-ка...

И я помогать, сколько могъ. Въ французскомъ языкѣ мы были оба порядочно слабы. Но кой-какъ составили телеграмму въ контору издательства, гдѣ ему были должны, или онъ могъ взять авансомъ—этого не помню. Чеховъ просилъ немедленно перевести ему деньги телеграфомъ, и какъ разъ ту сумму, которую онъ былъ долженъ миллионеру.

Я зналъ, что у него было разсчитано до самой Москвы, и чело-вѣкъ онъ былъ аккуратный, и спросилъ:—Зачѣмъ?

— Да вотъ, какъ прѣдѣтъ и попросить меня объ отдачѣ не безпокоиться, такъ я и отдамъ. Готовъ держать пари, что такъ и будетъ.

Деньги онъ получилъ черезъ два дня. Скоро прѣхалъ миллионеръ, но явился къ нему только черезъ нѣсколько дней послѣ своего прѣзда. Можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ ждалъ, что Антонъ Павловичъ поспѣшитъ „привѣтствовать его съ благополучнымъ прибытіемъ“.

Я при этомъ свиданіи не присутствовалъ, а пришелъ вскорѣ послѣ его ухода. Чеховъ встрѣтилъ меня веселымъ смѣхомъ:

— Напрасно ты не держалъ пари, я выигралъ бы. Онъ-таки сказалъ это: „Вы, пожалуйста, говорить, дорогой мой Антонъ Павловичъ, не подумайте, что я своимъ приходомъ хочу напомнить вамъ“,—и прочее. Но какъ это хорошо, что мнѣ прислали. Вотъ сейчасъ мы это и устроимъ.

Онъ написалъ письмо, въ которомъ въ самыхъ корректныхъ выраженіяхъ благодарилъ своего заимодавца за оказанную услугу и просилъ принять уплату долга. А чтобы не обидѣть его, онъ прибавлялъ, что торопится быть аккуратнымъ плательщикомъ единственно для того, чтобы имѣть право въ будущемъ, въ случаѣ надобности, снова воспользоваться его любезностью.

Письмо и деньги были положены въ конвертъ, надписанъ адресъ, приглашенъ комиссіонеръ, которому и было поручено все это отнести по адресу.

— Онъ вѣдь въ экинажѣ, значить—уже дома, такъ это не будетъ слишкомъ скоро.

Такъ кончилась эта исторія. А миллионеръ, должно-быть, по-нялъ, потому что больше не заглянулъ къ нему.

И вотъ теперь, когда я вспоминаю объ этомъ, въ сущности, забавномъ, эпизодѣ, мнѣ начинаетъ казаться, что, можетъ-быть, я былъ и не совсемъ правъ нѣсколько страницъ назадъ, когда упрекнулъ богатыхъ поклонниковъ Антона Павловича въ недостаточномъ радѣніи о его здоровьи.

Я долженъ допустить, что могли быть сдѣланы попытки устроить для него такое положеніе, при которомъ онъ не долженъ былъ бы постоянно думать о заработкѣ, могъ свободно ѣхать, куда ему угодно, и жить, гдѣ нравится и полезно.

Но онъ, вообще державшійся взгляда, что надо разсчитывать только на свои собственные силы, имѣлъ возможность въ эпизодѣ съ миллионеромъ найти только подтвержденіе этого взгляда.

Щепетильность же его въ денежныхъ дѣлахъ была исключительная. Я, конечно, не имѣю въ явѣ людей близкихъ и тѣхъ, кого онъ признавалъ своими товарищами. Но тамъ рѣчь могла идти о самыхъ незначительныхъ суммахъ, которыя никого не могли обременить. Тутъ и у него брали, и онъ не стѣснялся.

Но въ отношеніи къ издателямъ онъ всегда старался не быть должникомъ и прибѣгалъ къ просьбѣ объ авансѣ въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, и то можно сказать, что инициатива въ такихъ случаяхъ принадлежала ему развѣ въ первые годы его литературной дѣятельности, когда цѣнителями его таланта являлись редакторы „Осколковъ“, „Будильника“ и другихъ аналогичныхъ изданій.

Тогда ему приходилось на четырехъ страницахъ искусно подходить къ вопросу, чтобы въ концѣ концовъ попросить авансомъ пятьдесятъ рублей для переѣзда на дачу, со всевозможными гарантіями отработать въ такой-то срокъ и такими-то очерками.

Но позже, когда имя его стало цѣнностью, авансы предлагались ему со всѣхъ сторонъ, а онъ, всегда нуждаясь, тѣмъ не менѣе легонько, но все же очень твердо отстранялъ ихъ.

На авансъ онъ смотрѣлъ, какъ на петлю, которую писатель самъ набрасываетъ себѣ на шею. Случалось, что, взявъ авансъ и убѣдившись, что обѣщанной работы дать къ условленному сроку не въ состояніи, онъ дѣлалъ огромное усиліе, чтобы достать денегъ и поскорѣе снять съ своей шеи петлю и вернуть авансъ, чѣмъ, конечно, больше исѣхъ и вескаанно удивлялъ издателя, который не былъ причтенъ къ такого рода щепетильности.

Чеховъ нуждался... Какъ это странно звучитъ теперь! Но въ тѣ годы въ этомъ не находили ничего страннаго. Напротивъ, считалось въ порядкѣ вещей, чтобы писатель нуждался, и чуть ли не прямо пропорціонально его таланту.

Вѣдь не задолго передъ тѣмъ нуждался и умеръ въ нуждѣ Достоевскій. А послѣ него нуждался Гаршинъ и Надеонъ. У всѣхъ это вызывало сочувствіе, но никто не удивлялся. Такъ полагалось. Книга, какъ бы ни была она талантлива, была тогда достояніемъ немногихъ.

Чехонъ умеръ наканунѣ радикальной перемѣны въ судьбѣ книги. Черезъ годъ послѣ его смерти начался небывалый въ Россіи праздникъ книги: вдругъ Богъ знаетъ откуда пришли тысячи новыхъ покупателей, и—это странно даже звучитъ—у писателей, хоть и немногихъ, явились если не состоянія, то возможность обезпеченной жизни и свободы располагать своимъ временемъ.

А Чеховъ до этого праздника не дожидъ. Литературное право находило еще нѣкоторый сбытъ въ розницу, можно было продать изданіе той или другой книги, тысячу-другую экземпляровъ, но чтобы оно представляло опредѣленную и постоянную цѣнность, это едва ли кому-нибудь приходило въ голову.

Поэтому, когда узнали, что нашелся издатель, оцѣнившій сочиненія Чехова въ опредѣленную солидную сумму и предложившій ему эту сумму, стоить удивленія пронесся по всему литературному стану.

Чехова цѣнили высоко. Но не въ оцѣнкѣ было дѣло, а въ томъ, что на литературу явился дѣловой спросъ. Какъ ни велики были обороты нѣкоторыхъ издателей съ книгами, но для писателя заработокъ отъ изданія его книги являлся только небольшимъ подспорьемъ, основнымъ же заработкомъ было то, что ему платили въ журналахъ и газетахъ.

Что платили и какъ обращались съ приобретеннымъ правомъ на изданіе рыночные издатели, объ этомъ лучше ужъ и не вспоминать. Заплативъ писателю какія-нибудь двѣ-три сотни за двадцать печатныхъ листовъ, они печатали, сколько хотѣли, экземпляровъ, потому что писатель проконтролировать ихъ не могъ или не умѣлъ или наконецъ просто не былъ способенъ возиться съ этимъ.

Издатели дѣтскихъ журналовъ, а въ то же время и книгъ, платили автору отъ 50 до 75 рублей за право не только печатанія въ журналѣ, но и отдѣльнаго изданія, при чемъ единственнымъ объясненіемъ такой малой платы былъ, кажется, малый возрастъ читателей. Другого объясненія не было, такъ какъ дѣтскія книги или лучше всѣхъ другихъ, а издатели переводили свои конторы и редакціи въ собственные дома.

Между прочимъ, въ Москвѣ ходилъ рассказъ, похожій на анекдотъ (но онъ не былъ анекдотомъ), о томъ, какъ одинъ очень популярный и весьма передовой издатель дѣтскаго журнала и книгъ расцѣпился съ А. П. Чеховымъ.

Онъ долго обхаживалъ писателя, упрашивая его дать что-нибудь въ журналъ. Отношенія были пріятельскія, встрѣчались у знакомыхъ, на литературныхъ обѣдахъ, собирались и у него. Между прочимъ, расположеніе издателя къ Чехову выразилось въ томъ, что онъ какъ-то послалъ ему въ презентъ нѣсколько бутылокъ вина изъ собственныхъ виноградниковъ, которые у него были гдѣ-то на югѣ. Вино было прескверное, но А. П., конечно, похваливалъ его.

И вотъ наконецъ Чеховъ, тѣснимый любезностью издателя, далъ ему какую-то вещь для журнала. И послѣ этого они встрѣтились у кого-то изъ знакомыхъ, гдѣ было много вароду, а можетъ быть—и у самого издателя.

Первый и пока единственный памятникъ А. П. Чехову — на мѣстѣ его кончины, въ нѣмецкомъ курортѣ Баденвейлерѣ, близъ Баденъ-Бадена, сооруженный въ 1908 г. почитателями покойнаго писателя.

Когда А. П. ночью собрался уходить и надеть пальто, издатель подошел к нему и с смущенным видом весьма поспешно ткнул в карман его пальто какой-то сверток и проворно бормотал что-то извещая своего долга. Чехов, внимание которого в этот момент было занято разговором с кем-то другим, почти не замечая этого движения, протиснулся и вышел на улицу.

Тут он зачѣм-то полез в карман и нащупал сверток. Вынул — пакетик. Развернул несколько кредиток, что-то рублей 12, и счет: — слѣдует за разказ столько-то. Послано вина такое-то количество бутылок, на такую-то сумму. Остальные 12 руб. при сем прилагаются.

Это было с Чеховым в ту пору, когда имя его гремѣло на всю Россію. А вот издатель советѣм иного типа: идейный, положивший всю свою жизнь на хорошую книгу, отдавший ей все свои силы и действительно далекий от преслѣдованія цѣлей наживы. Да она и не была нужна ему, так как онъ изъ-за книги совсем не пользовался жизнью.

И вот этот издатель платил авторамъ, имена которыхъ въ то время были популярны, за книгу въ 15 печатных листовъ въ 5.000 экземпляровъ — 500 рублей. И это считалось наилучшими условіями, на какія можетъ разсчитывать писатель.

Не нужно было знакомымъ, чтобы разсчитать, какая незначительная доля выпадала писателю, и какой процентъ на затраченный капиталъ получалъ несомнѣнно идейный и благорасположенный къ литературѣ издатель.

Послѣ его смерти остались солидные средства, заботливо распредѣленные имъ на просвѣдительныя цѣли. Слава Богу, конечно, и потомство будетъ ему благодарно, но справедливость требуетъ признать, что въ составленіи этого капитала въ значительной мѣрѣ участвовали изданные имъ писатели, работа которыхъ была имъ оплачена по произвольной оцѣнкѣ.

Какъ оцѣнивалась работа Чехова при изданіи его книгъ, и на какихъ условіяхъ онъ выпускался до перехода правъ на изданіе ихъ къ купившей ихъ фирмѣ, я не знаю. Но несомнѣнно, что до этого времени онъ всегда нуждался въ заработкѣ, который доставался ему не легко. Въ письмѣ къ А. С. Сунорину отъ 1895 года онъ пишетъ:

„Не работать мнѣ нельзя. Денегъ у меня такъ мало, я работаю такъ медленно, что, прогуляя я двѣ-три недѣли, мое финансовое равновѣсіе пойдетъ къ чорту, и я залѣзу въ долги. Я зарабатываю чортъ знаетъ какъ мало“.

Это было въ 1895 году, т. е. когда имя Чехова уже сіяло. И тотъ же крикъ повторится у него изъ года въ годъ. „Я до такой степени измочалился постоянными мыслями объ обязательной, неизбѣжной работѣ, — пишетъ онъ другому корреспонденту: — что вотъ уже недѣля, какъ меня безостановочно мучатъ перебои сердца. Отвратительное ощущеніе“.

И это не выдумка и не преувеличеніе. Душѣ его тѣсно было въ предѣлахъ Москвы, Петербурга и Мелихова, ему хотѣлось видѣть какъ можно больше, весь свѣтъ. Онъ постоянно мечталъ о побѣдѣ въ какую-нибудь дальнюю страну, и единственная, какая ему удалась, это была побѣдка на Сахалинѣ, — самая необходимая изъ всѣхъ, какія можно было выдумать, и, къ тому же, вредно отразившаяся на его хрупкомъ здоровьѣ.

Результатомъ этого удивительнаго путешествія была книга, которая несомнѣнно стоила ниже всего остального, написаннаго имъ, и едва ли впитала лавры въ его вѣнокъ, въ матеріальномъ же отношеніи тоже едва ли прибавила что-нибудь къ его благополучію.

А впечатлѣнія? Гдѣ въ произведеніяхъ его, написанныхъ послѣ побѣдки на Сахалинъ, встрѣчаются отголоски тѣхъ впечатлѣній? Кой-гдѣ намеки, не имѣющіе существеннаго значенія. И не видно было, чтобы онъ любилъ вспоминать объ этомъ путешествіи. По крайней мѣрѣ я, проведшій съ нимъ не мало дней, ни разу не слышалъ отъ него ни одного разказа изъ того міра. Все, что онъ получилъ тамъ, онъ какъ будто сдалъ въ свою книгу и забылъ.

Такъ чиновникъ, вернувшись изъ непріятной подневольной командировки, доставившей ему много хлопотъ и лишений, даетъ о ней отчетъ начальству и торопится поскорѣе забыть о ней.

Мечталъ же онъ совсемъ о другомъ — о теплыхъ краяхъ, о жизни пестрой, оригинальной, не похожей на нашу.

„Денегъ, денегъ, — пишетъ онъ своей пріятельницѣ въ 1893 г. — Будь деньги, я уѣхалъ бы въ Южную Африку, о которой читаю теперь очень интересныя статьи. Надо имѣть цѣль въ жизни, а когда путешествуешь, то имѣешь цѣль“.

А позже его хочется „изъ Москвы уѣхать на Мадейру. Это отъ груди (т. е. отъ грудной болѣзни) хорошо“; — и даже попутчикъ у него есть.

И такъ всю жизнь — то на Мадейру, то въ Африку, то въ Австралію, то въ Америку, то на Юту, то очень серьезно. Но „денегъ, денегъ“, ихъ-то всегда у него и не хватало, и приходилось довольствоваться домашними побѣдками — въ Таганрогѣ, въ Ялту, въ Нижній и т. п.

Одну изъ такихъ мы совершили съ нимъ вмѣстѣ, и на пути случился эпизодъ, пустячный и комичный, но показавшій мнѣ, до какой степени рѣшителенъ и непреклоненъ становился Чеховъ, когда его что-нибудь коробило.

Эпизодъ этотъ имъ разказанъ Сунорину въ письмѣ отъ 15 августа 1894 года.

Захотѣлъ А. П. показать свою родину, вѣрнѣе — его самого потянуло туда. Мы и рѣшили проѣхать по Волгѣ, начавъ съ Ярославля, спустившись до Царицына, а оттуда въ Казачь и по желѣзной дорогѣ въ Таганрогъ. До Нижняго мы доѣхали благополучно. Намъ оставалось только пересѣсть на другой пароходъ, чтобы плыть дальше.

Выйшая въ это время въ разгарѣ ярмарка насъ почему-то не заинтересовала. Мы даже какъ-то и не подумали о ней.

И вдругъ встрѣча. Этотъ „N., другъ Льва Толстого“, какъ его именуетъ Чеховъ, былъ ему очень хорошо извѣстенъ, больше даже, чѣмъ мнѣ. И вотъ черта: А. П. не выносилъ его за хвастовство, лозанье, болтовню, за отсутствіе у него собственнаго духовнаго нутра и вслѣдствіе этого вѣчное пристегиваніе себя къ кому-нибудь болѣе сильному, чѣмъ онъ, — на такомъ опредѣленномъ счету онъ у него былъ всегда, но никогда при встрѣчѣ А. П. не показавъ ему и тѣни своего настоящаго мнѣнія о немъ. Нѣтъ, онъ былъ любезенъ, шутивъ, радушенъ, проявлялъ по отношенію къ нему лучшее, что можно проявить къ человѣку. И такъ же А. П. былъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ.

Если ему невозможно, онъ уйдетъ, спрячется или даже, какъ было въ настоящемъ случаѣ, „позорно бѣжить“, но, пока онъ стоялъ лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, каковъ бы ни былъ тотъ человѣкъ, онъ какъ бы считалъ долгомъ въ лицѣ его уважать человѣческое достоинство.

Оттого изъ его отношеній къ людямъ, дѣловыхъ и интимныхъ, была исключена всякая вздорность. Ея не было вовсе. Въ средѣ писателей и художниковъ такъ развита болѣзненная впечатлительность, соединенная съ самолюбіемъ, очень часто самоинформированіемъ, всякій въ глубинѣ души считаетъ себя великимъ, и такъ легко возникаютъ недоразумѣнія и столкновенія. Большею частью это происходитъ именно отъ вздорности: неосновательныхъ претензій, нежеланій и неумѣнья своейкоимъ выслушать, непониманія другъ друга, предубѣжденія, подозрительности, а иногда отъ нравственной невоспитанности.

Чеховъ, слава Богу, былъ избавленъ отъ этихъ качествъ, и я, право, не знаю, были ли у него съ кѣмъ-нибудь недоразумѣнія, которыя длились бы больше получаса, когда они спокойно и разумно объяснялись.

Я, конечно, не помню, что именно говорилъ N. такого, отъ чего А. П. „стало душно, нудно и тошно“, думаю даже, что ничего особеннаго и не было, но Чеховъ на эту встрѣчу не разсчитывалъ и представилъ себя, какъ его объектно и та необыкновенно серьезная околесина, какую онъ обыкновенно несъ, отравить нѣсколько часовъ, а можетъ-быть — и дней. И это заставило его мгновенно измѣнить весь планъ.

Онъ выразительно взглянул на меня, бросилъ N. что-то первое попавшееся, а мнѣ шепнулъ: „на вокзалъ“, — и совершилось бѣгство.

Конечно, N. тоже прикатилъ на вокзалъ и принималъ все мѣры, чтобы доканать его. Но ему надо было оставаться въ Нижнемъ, и это насъ спасло. Мы уѣхали въ Москву.

Тутъ досада перешла въ дурачливое настроеніе. Пришла фантазия ни съ кѣмъ не видаться, не забѣгать даже въ Мелихово, хотя это было по дорогѣ, и сейчасъ же двинуться на югъ къ хорошему знакомому его, Линтваревымъ, усадьба которыхъ находилась на рѣкѣ Песѣ.

Въ тотъ же день и побѣжали, успѣвъ въ Москвѣ только пообѣдать.

На Песѣ оказались радушные хозяева, и мы провели тамъ очаровательную недѣлю, и я былъ благодаренъ N за то, что онъ помѣшалъ намъ осуществить первоначальный планъ. Богъ знаетъ, что еще ожидало насъ въ Таганрогѣ, а о недѣлѣ, проведенной съ Чеховымъ у Линтваревыхъ, я и теперь вспоминаю съ благодарностью.

Петербургъ былъ для Антона Павловича чѣмъ-то желаннымъ и въ то же время запретнымъ.

Коренное различіе двухъ столицъ Россійской имперіи во всемъ чуть ли не вошло въ поговорку. Несходство дѣйствительно бросается въ глаза какъ при вѣздѣ въ Москву, когда вы окидываете ея улицы и площади бѣглымъ взглядомъ, такъ и при углубленіи въ ея ираны и обычаи. Для петербуржца все здѣсь иное, какъ будто онъ попадаетъ въ иной міръ.

Антонъ Павловичъ, не будучи москвичомъ по рожденію и проведя дѣтство и гимназическіе годы въ Таганрогѣ, среди смѣшаннаго населенія огорожаненныхъ хохловъ и обрусѣлыхъ грековъ и другихъ южныхъ національностей, въ Москвѣ за время студенчества и нѣсколькихъ лѣтъ самостоятельной жизни, конечно, не могъ сдѣлаться москвичомъ и никогда не былъ имъ по существу.

Душа его была соткана изъ какого-то отборнаго матеріала, стойкаго и не поддающагося разложению отъ влияния среды. Она умѣла вбирать въ себя все, что было въ ней характернаго, и изъ этого создавать свой міръ — чеховскій.

И никогда не былъ онъ ни таганрогцемъ, ни москвичомъ, ни петербуржцемъ, ни ялтинцемъ, а былъ Чеховымъ — той удивительно своеобразной личностью, которая такъ красочно рисуется въ его замѣчательныхъ письмахъ.

Но все же и на немъ лежалъ „московский отпечатокъ“; по необходимости, онъ свой вѣтшій обиходъ жизни долженъ былъ приспособить къ Москвѣ, вести знакомства и дѣла съ московскими людьми и, живя съ москвичами, „по-московски нить“.

Десять лѣтъ, какъ умеръ Чеховъ...

Его нерукотворный памятникъ—его сочиненія влекутъ къ себѣ читателей все болѣе, съ каждымъ годомъ расширяя ихъ кругъ.

Давъ уже дважды—въ 1903 и 1911 годахъ—возможность нашимъ подписчикамъ приобрести при „Нивѣ“ сочиненія Чехова, мы **въ настоящемъ году**, въ ознаменованіе десятилѣтней годовщины его смерти, **рѣшили удовлетворить желаніе многихъ нашихъ нынѣшнихъ подписчиковъ**, не имѣющихъ въ своей библиотекѣ сочиненій Чехова.—**приобрѣсти ихъ на льготныхъ условіяхъ**—за пониженную цѣну: въ теченіе всего 1914 года **всѣмъ** подписчикамъ сего года предоставляемъ право приобрести по 1 экземпляру первые **16 томовъ „Полнаго Собранія Сочиненій Чехова“** (данныхъ подписчикамъ „Нивы“ за 1903 г.) **за 4 рубля** безъ пересылки (пересылка въ Европ. Россіи и Закавказ.—50 коп.) и **12 книгъ** (дополнит. „къ Полному Собранію Сочиненій Чехова“, данныхъ подписчикамъ „Нивы“ за 1911 г.: томы 17—22) **за 2 рубля** безъ пересылки (пересылка—50 коп.; при совмѣстной высылкѣ всѣхъ 22 томовъ—пересылка въ Европ. Россіи и Закавказ. 65 коп.).

Желающие получить сочиненія въ 9 коленкорovýchъ переплетахъ доплачиваютъ 3 р. 60 к.

Для того, чтобы судить, насколько исключительны эти цѣны, укажемъ, что существующее отдѣльное изданіе „**Полное Собрание Сочиненій Чехова**“ стѣитъ **24 рубля** безъ пересылки (16 томовъ по 1 р. 50 к. за томъ безъ переп.).

Эта льгота предоставляется исключительно подписчикамъ „Нивы“ сего 1914 года, выписавшимъ сочиненія Чехова не позже 31 декабря с. г.

Въ виду необходимости опредѣлить заблаговременно, въ какомъ количествѣ экземпляровъ слѣдуетъ печатать сочиненія Чехова, г. подписчики, желающіе **обеспечить себѣ полученіе сочиненій**, благоволятъ заявить объ этомъ **немедленно**.

Москва была для него буднями. Здѣсь онъ долженъ былъ сидѣть за работой, вѣчно думать о заработкѣ и сведеніи концовъ съ концами.

Но если Москва такъ отличалась отъ Петербурга въ смыслѣ вѣшняго вида и нравовъ, то для писателя, особенно для беллетриста, было еще другое, болѣе глубокое, различіе. Литература тогда была почти вся сосредоточена въ Петербургѣ.

Изъ приемлемыхъ для Чехова журналовъ въ Москвѣ была только одна „Русская Мысль“. Изъ стоявшаго во главѣ ея триумвирата—Гольцевъ, Лавровъ и Ремизовъ—литераторомъ въ полномъ смыслѣ этого слова былъ только одинъ В. А. Гольцевъ.

Былъ еще журналъ Куманина „Артистъ“, къ которому Антонъ Павловичъ относился сочувственно,—красивое изданіе съ широкимъ размахомъ. Но это былъ журналъ, почти исключительно посвященный интересамъ театра.

Изъ газетъ Чеховъ могъ тогда принимать въ расчетъ только „Русскія Вѣдомости“, въ которыхъ работали главнымъ образомъ московскіе профессорскіе круги, собственно же литераторы, статьи которыхъ отъ времени до времени тамъ появлялись, были петербургскія. Беллетристика же какъ въ „Русской Мысли“, такъ и въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ принадлежала почти вся сплошь петербургскимъ литераторамъ. Постоянно живущихъ въ Москвѣ беллетристовъ почти не было.

Что же касается мелкой прессы и разныхъ юмористическихъ еженедѣльниковъ, то это былъ тотъ міръ, въ которомъ А. П. невольно вращался въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности.—міръ, не оставившій въ немъ пріятныхъ воспоминаній, и тамъ ему теперь, конечно, нечего было дѣлать.

Знакомства въ Москвѣ у него были обширныя, но въ огромномъ большинствѣ обывательскія. Мнѣ сейчасъ даже трудно вспомнить, кто жилъ тогда въ Москвѣ изъ заправскихъ литераторовъ: кромѣ Вл. И. Немировича-Данченко и князя А. И. Сумбатова, которые оба больше клонились къ театру, и тѣхъ, кого я уже упомянулъ, а также журналистовъ, работавшихъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, я никого не припоминаю. П. Д. Боборыкинъ проживалъ по нѣскольку мѣсяцевъ въ Москвѣ, одно время жилъ Г. А. Мачтетъ.

Всѣ ежемѣсячники, за исключеніемъ „Русской Мысли“ и „Русскаго Вѣстника“, къ которому А. П. не имѣлъ никакого отношенія, издавались въ Петербургѣ, и тамъ были сосредоточены всѣ главныя литературныя силы.

Понятно, что и литературныя связи А. П., которыя съ каждымъ годомъ расширялись, были главнымъ образомъ въ Петербургѣ. Тамъ, а не въ Москвѣ, былъ впервые замѣченъ и признанъ его талантъ. Тамъ издавались его книги, а журналы наперебой звали его къ себѣ сотрудничать. Да даже и раньше того момента, когда былъ замѣченъ его талантъ, въ Петербургѣ, въ Лейкинскихъ „Осколкахъ“ и въ „Петербургской Газетѣ“ главнымъ образомъ помѣщались его рассказы, и оттуда шли первые скромные заработки.

Словомъ, если Москва дала ему медицинскія познанія и сдѣлала его врачомъ, то воспреемникомъ его литературной карьеры былъ Петербургъ.

И, сколько мнѣ помнится, въ Петербургъ онъ всегда ѣздилъ съ удовольствіемъ. Въ Москвѣ у него шла постоянная напряженная работа. Даже въ Мелиховѣ, которое онъ любилъ, какъ птица любить ея самой свитое гнѣздо, онъ не былъ избавленъ отъ вседневной заботы о средствахъ къ жизни. Въ Петербургъ же онъ пріѣзжалъ какъ будто на гастроли.

Здѣсь были люди, у которыхъ онъ могъ считать себя какъ дома. Съ семействомъ А. С. Суворина онъ былъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ, и тамъ для него былъ всегда готовъ „и столъ и домъ“.

Правда, онъ не особенно любилъ тамъ останавливаться, но это происходило не отъ недостатка любезности со стороны хозяевъ или недобрія съ его стороны, а просто отъ желанія не стѣснять ни другихъ ни себя. Быть кому-нибудь обязаннымъ безъ уверенности въ томъ, что онъ сможетъ отплатить, было для него

Памятникъ А. П. Чехову на его могилѣ въ Новодевичьемъ монастырѣ въ Москвѣ. По фот. А. Савельева.

настоящимъ пугаломъ. И, если онъ иногда останавливался въ гостиницѣ, то это вызывалось не необходимостью, а его капризомъ.

Въ самомъ же Петербургѣ онъ былъ, что называется, на-расхватъ. Всюду его звали, всемъ хотѣлось видѣть его своимъ гостемъ. Литературныхъ пріятелей у него было множество, со всеми надо было посидѣть, поболтать, распить бутылку вина.

А кромѣ того, наполняли время и литературныя дѣла, такъ какъ кругъ его литературныхъ отношеній расширился.

И петербургскій образъ жизни былъ совсѣмъ иной, болѣе подходящій къ его нкусамъ, чѣмъ московскій, и менѣе для него вредный. Петербуржцы домогды по преимуществу. Московская трактирность имъ не по нутру. И потому тутъ жизнь проходитъ спокойнѣе и здоровѣе.

Онъ всегда говорилъ, что въ Петербургѣ у него голова какъ-то яснѣе, чѣмъ въ Москвѣ. Это понятно. Когда люди спрашиваютъ

другъ у друга: гдѣ мы встрѣтимся вечеромъ? въ Петербургѣ это значитъ: я къ вамъ пріѣду, или вы ко мнѣ? Когда такой же вопросъ задаютъ въ Москвѣ, это значитъ: въ Эрмитажѣ, въ Метрополѣ, въ Прагѣ или у Яра?

И въ этомъ отношеніи Петербургъ былъ благопріятенъ для его здоровья. Здѣсь онъ и спать ложился раньше, и нервы его были спокойнѣе.

И, конечно, онъ давно оставилъ бы Москву и сталъ бы жить въ Петербургѣ, если бы не убійственный для его легкихъ климатъ нашей сѣверной столицы. Эта вѣчная сырость, постоянныя неожиданныя смѣны тепла холодомъ и холода тепломъ, убійственные вѣтры—все это для него было переносимо только въ самой небольшой дозѣ. И онъ, подъ личиною постоянного бронхита всегда подозрѣвавшій прятанную за нимъ свою болѣзнь, стремился въ этотъ городъ и боялся его.

(Окончаніе слѣдуетъ).